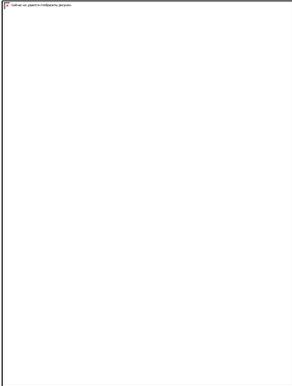

ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.163

Орищенко Анастасия Сергеевна

Спицин Кирилл Олегович

Саратовская государственная юридическая академия

Институт прокуратуры

Россия, Саратов

anastasiyaorishchenko@yandex.ru

kirr-2001@inbox.ru

Orishchenko Anastasia

Spitsin Kirill

Saratov State Law Academy

Institute of the Prosecutor's Office

Russia, Saratov

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация: анализ фундаментальных вопросов борьбы с коррупцией имеет непреходящее теоретическое и практическое значение. Прокуратура как «око государево» призвана бороться с правонарушениями, обеспечивать их общее предупреждение, что выражается в проведении антикоррупционной экспертизы. В результате принятия ряда важных нормативных правовых актов антикоррупционная экспертиза претерпела ряд изменений, позволяющих достигать ее целей и задач в условиях наибольшей эффективности, что обуславливает необходимость анализа ее текущего состояния.

Ключевые слова: противодействие коррупции, антикоррупционная экспертиза, прокурорский надзор, коррупциогенные факторы, законность.

ANTI-CORRUPTION EXPERTISE AS AN FIELD OF ACTIVITY OF THE PROSECUTOR'S OFFICE: THE MODERN STATE OF LEGAL REGULATION

Annotation: the analysis of the fundamental issues of combating corruption is of the most important theoretical and practical importance. The prosecutor's office is called upon to combat offenses, to ensure their general prevention, which is expressed in the implementation of anti-corruption expertise. As a result of the adoption of a number of important regulatory legal acts, the anti-corruption expertise has undergone a number of changes that make it possible to achieve its goals and objectives in conditions of the greatest efficiency, which necessitates the analysis of its current state.

Key words: anti-corruption, anti-corruption expertise, prosecutorial supervision, legality.

Коррупция в настоящее время является одним из основных явлений, препятствующих последовательному и эффективному социально-экономическому развитию Российской Федерации, поэтому в марте 2021 года глава государства отметил, что актуальным и крайне значимым направлением работы органов прокуратуры выступает противодействие коррупции [1]. Также по причине довлеющего негативного значения этого явления и недостаточности пресекательных мер в Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 отдельное внимание уделяется направлению по предупреждению коррупционных правонарушений [2]. В статье 6 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» антикоррупционная экспертиза обозначена в перечне основных мер профилактики коррупции [3]. Тем самым, можно убедиться в особом значении антикоррупционной экспертизы в борьбе с одним из проявлений коррупции – коррупциогенными факторами в нормативных правовых актах.

Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов регламентируется рядом нормативно-правовых актов, основным из которых выступает Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативно-правовых актов» (Далее – Закон об антикоррупционной экспертизе) [4]. В соответствии с указанным Федеральным законом одним из субъектов проведения антикоррупционной экспертизы является прокуратура Российской Федерации, что обусловило введение в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» (Далее – Закон о прокуратуре) статьи 9.1, закрепляющей антикоррупционную экспертизу в качестве одного из направлений деятельности прокуратуры [5]. При этом прокурор при осуществлении полномочий в рассматриваемом направлении руководствуется: Приказом Генпрокуратуры России «Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции» (Далее – Приказ № 581) [6], Постановлением Правительства РФ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [7].

Последняя статистика проведения антикоррупционной экспертизы показывает, что прокуроры активно и эффективно реализуют полномочия в этом направлении (см. таблица № 1).

При этом, несмотря на статистические показатели, которые свидетельствуют об эффективности прокурорского надзора в этой сфере, в настоящее время сохраняются некоторые пробелы организационного и правового толка в этом направлении деятельности органов прокуратуры.

В первую очередь стоит обратить внимание на дискуссию, связанную с анализом и грамматическим толкованием содержания частей 2 и 3 статьи 9.1 Закона о прокуратуре, а также части 3 статьи 4 Закона об антикоррупционной экспертизе. Так, существует две позиции, согласно которым требование прокурора об изменении нормативного правового акта обязательно для

исполнения либо обязательно для рассмотрения, но не исполнения. Практическое значение данного спора проистекает из того, что поднадзорные объекты толкуют указанные нормы таким образом, что делают вывод о необязательности исполнения требования об изменении нормативного правового акта, занимая пассивную позицию в вопросе обжалования такого требования, поскольку органы прокуратуры неизбежно, не согласившись с игнорированием меры прокурорского реагирования, самостоятельно обратятся в суд [8, с. 14].

Рассматриваемый спор, как было отмечено выше, связан с грамматическим толкованием соответствующих норм права. Действительно, если обратиться к ним, то можно недвусмысленно прочитать, что требование прокурора об изменении нормативного правового акта подлежит обязательному рассмотрению. Так, в связи с тем, что в норме отсутствует прямое указание на обязательность исполнения требования прокурора об изменении нормативного правового акта, в научном и юридических сообществах высказывается мнение о том, что они обязательны только для рассмотрения, но необязательны для исполнения [9, с. 40].

Однако, как верно замечают другие авторы, этому утверждению можно противопоставить положение, закреплённое в части 1 статьи 6 Закона о прокуратуре, о том, что требования прокурора, вытекающие из его полномочий, предусмотренных статьёй 9.1, подлежат безусловному исполнению в установленный срок [10, с. 166]. Но данной позиции допустимо противопоставить вопрос: из каких же соображений прокурор наделен полномочием на обращение в суд, если требование прокурора является обязательным для исполнения и, тем самым, внесение изменений в нормативный правовой акт решается в административном порядке. Кроме того, обязательный характер рассматриваемого требования подрывает содержание п. 2.25 Приказа № 581, согласно которому прокурорам дано указание об использовании права на обращение в суд в случае отклонения требования,

поскольку неясно, как можно отклонить требование, которое не только обязательно к рассмотрению, но и подлежит безусловному исполнению.

Можно предположить, что полномочие на обращение в суд закреплено на случай выявления коррупциогенных факторов в нормативных правовых актах, которые не касаются вопросов, закреплённых в части 2 статьи 3 Закона об антикоррупционной экспертизе, по которым прокурор направляет информацию в соответствующий орган либо организацию, поскольку в случае непринятия мер уполномоченными субъектами антикоррупционной экспертизы сохраняется риск возникновения коррупционных правоотношений, что противоречит превентивной задаче органов прокуратуры при обеспечении законности. Однако, представляется, что в этом случае возникает вопрос о превышении пределов предоставленной органам прокуратуры компетенции, поскольку Приказом об антикоррупционной экспертизе прямо установлено, что право на обращение в суд надлежит реализовывать в случае отклонения только требований, без специального указания на такого рода информационные сообщения органов прокуратуры.

При этом несмотря на все отмеченные противоречия единственно верной представляется позиция, в соответствии с которой требование прокурора об изменении нормативного правового акта является обязательным не только для рассмотрения, но и для исполнения. В подтверждение этого следует привести позицию Конституционного Суда РФ, выраженную в Постановлении от 17 февраля 2015 № 2-П, согласно которой соответствующие полномочия прокурора обеспечивают выполнение прокуратурой Российской Федерации возложенных на нее функций, а властно-обязывающий характер требований прокурора обусловлен предназначением прокурорского надзора, тогда как отсутствие возможности принуждения не позволило бы прокуратуре эффективно осуществлять возложенные на нее публичные задачи [11]. Вместе с позицией Конституционного Суда РФ обязательный характер рассматриваемого требования прокурора подкрепляется как системным, так и

телеологическим толкованием вышеуказанных норм, что позволяет сделать однозначный вывод.

Однако учитывая, что сохранение выявленной юридической неточности и непоследовательности позволяет поднадзорным объектам избегать исполнения требований прокурора об изменении нормативных правовых актов, необходимо формулирование соответствующих норм таким образом, чтобы из их содержания прямо следовала обязательность исполнения требования. Неустранение основания для рассмотренной дискуссии оставляет возможность сомневаться в обязательности исполнения требований прокурора об изменении нормативного правового акта, позволяет поднадзорным органам отклонять требование прокурора и ссылаться на рассмотренные неточности при инициировании прокурором производства по делу об административном правонарушении, предусмотренном статьей 17.7 КоАП РФ, и, тем самым, подрывать авторитет прокуратуры [12, с. 12].

Во-вторых, следует отметить, что в юридической литературе наличествует мнение о том, что отсутствие в процессуальном законодательстве положений об оспаривании содержащего коррупциогенные факторы нормативного правового акта, если он не противоречит закону, является препятствием в борьбе с коррупционными проявлениями, поскольку отклоненные требования об исключении коррупциогенных факторов фактически остаются без правовой реакции прокуроров [13]. Данное мнение представляется необоснованным, поскольку АПК РФ в части оспаривания нормативных правовых актов в сфере интеллектуальной собственности [14], а также КАС РФ предоставляют прокурору право обращаться в суд с иском заявлением в пределах его компетенции, которую составляет полномочие по выявлению коррупциогенных факторов в нормативно-правовых актах и обращение в суд [15]. Также нельзя согласиться с тем, что закон при наличии в нем коррупциогенных факторов может соответствовать закону, поскольку само наличие таких факторов определяет его как несоответствующий закону хотя бы

ввиду его противоречия Закону об антикоррупционной экспертизе и Закону о противодействии коррупции, которые призваны посредством нормативно-правового регулирования бороться с любыми проявлениями коррупции. В связи с изложенным более верным будет утверждение о том, что не всякий выявленный коррупциогенный фактор, являющийся таковым по мнению прокурора, суд признает и обяжет соответствующий орган, организацию или должностное лицо устранить его.

Отдельного внимания в условиях действующего законодательства требует реализация прокурором полномочия на обращение в суд в связи с выявлением коррупциогенных факторов и отклонением его требования. В первую очередь, стоит заметить, что обращение в суд выступает менее оперативным способом реагирования и обеспечения законности и защиты прав граждан в сравнении с внесением требования, которое в данном смысле является предпочтительной реакцией. В связи с этим актуализируется вопрос соразмерности ответственности за неисполнение требования прокурора об изменении нормативного правового акта, поскольку меры административной ответственности, предусмотренные в ст. 17.7 КоАП РФ [16], не являются эффективными по отношению к субъектам власти. Так, зачастую административный штраф может быть несоразмерен той выгоде, которую должностное лицо или юридическое лицо извлечет из издания и применения нормативного правового акта, содержащего коррупциогенные факторы. Применение же к должностному лицу дисквалификации, а к юридическому лицу административного приостановления деятельности едва ли возможно за однократное нарушение. Кроме того, в отношении представительных (законодательных) органов власти не выработано специальных мер ответственности, поскольку административное приостановление деятельности не применяется к таким органам.

В связи с этим, в отношении должностных и юридических лиц следует либо повысить размер административного штрафа, либо предусмотреть

возможность применения дисквалификации и административного приостановления деятельности за однократное игнорирование или отказ от исполнения требования прокурора при непринятии мер по его обжалованию. Разумеется, данные меры могут показаться несоразмерными совершаемым правонарушениям, однако они в значительной степени будут выполнять превентивную функцию, постоянно угрожая соответствующим субъектам прекращением их деятельности в занимаемой должности.

В отношении же представительного органа местного самоуправления в целом, а не в его отдельных должностных лиц, прокурору следует направлять информацию о допущении представительным органом установленного в судебном порядке нарушения, выразившегося в неисполнении требования прокурора и в последующем вступившего в силу решения суда, высшему должностному лицу субъекта РФ для внесения в законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта РФ проекта закона о роспуске представительного органа муниципального образования в соответствии с частью 1 статьи 73 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» (далее – ФЗ-131) [17]. При этом необходимо установить срок для рассмотрения такой информации и направления встречной информации о наличии основания и принятия конкретных мер либо отсутствии основания для реализации полномочия, предусмотренного ч. 1 ст. 73 ФЗ-131. В случае несогласия с решением высшего должностного лица субъекта РФ прокуратуре следует информировать об этом Президента РФ, который в соответствии со статьей 29 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» уполномочен отрешить высшее должностное лицо субъекта РФ, если придет к выводу о неправомерности его бездействия [18].

Также при существующем регулировании, как ранее упоминалось, органы власти зачастую не заинтересованы тратить время и силы на

обжалование акта прокурорского реагирования, если вопрос может быть решён в ходе судебного разбирательства, инициированного органом прокуратуры [8, с. 14]. В связи с этим ещё больше актуализируется вопрос об обеспечении требования прокурора действенным механизмом исполнения посредством обозначения неблагоприятных последствий для поднадзорных объектов в случае их бездействия по итогам внесения требования, а также через изменение существующей процедуры, в соответствии с которой прокурор вынужден обжаловать несогласие органа, вынесшего соответствующий нормативный правовой акт. Так, представляется наиболее целесообразным изменить фактически сложившийся порядок посредством сохранения в нормативных правовых актах положения о праве обжалования требования прокурора об изменении нормативного правового акта в случае несогласия с ним. Также с этой целью представляется необходимым установление в административном законодательстве более суровых мер наказания и приостановления действия, опубликованного нормативного правового акта или недопустимости его издания в случае выявления коррупциогенных факторов в проекте правового акта. В нынешних же условиях прокурору приходится возбуждать производство по делу об административном правонарушении и направлять соответствующее заявление в суд с ходатайством о применении меры предварительной защиты в виде запрета применения, оспариваемого нормативного правового акта или его оспариваемых положений [15], либо приостановления действия оспариваемого акта [14], что значительно продлевает срок устранения коррупциогенных факторов и создает реальную возможность для их использования.

Кроме того, в доктрине обращают внимание на проведение антикоррупционной экспертизы в процессе внесения дополнений или изменений в нормативные правовые акты, поскольку возможны ситуации, когда после положительных результатов антикоррупционной экспертизы один нормативный правовой акт будет содержать коррупциогенные факторы в связи

с внесением в него в дальнейшем изменений или дополнений [19, с. 7]. В связи с этим возникает потребность в осуществлении постоянного правового мониторинга, проведение которого применительно к сфере взаимодействия органов прокуратуры и представительных органов разного уровня предусмотрено Приказом Генеральной прокуратуры от 17 сентября 2007 № 144 [20]. Стоит отметить, что в действующем Приказе № 581 появилось актуальное положение, которое частично затрагивает поднятый вопрос. Так, в соответствии с п. 2.27 при наличии оснований, в том числе по результатам анализа практики применения нормативного правового акта, прокурор вправе вернуться к проведению антикоррупционной экспертизы нормативного правового акта. Иными словами, в настоящее время прокурорам предписано осуществлять мониторинг за применением ранее подвергнутого экспертизе нормативного правового акта в целях выявления ошибки и своевременного ее устранения. Аналогичный подход должен быть выработан и в случае внесения изменений или дополнений в нормативно-правовые акты.

При этом нельзя забывать, что органы прокуратуры в соответствии с Приказом № 144 имеют достаточно эффективной способ предупреждения появления коррупциогенных факторов – участие прокуроров в правотворческой деятельности на уровне субъектов РФ и муниципальных образований. Так, распространение данной прокурорской практики способно положительно сказаться на устранении коррупциогенных факторов на этапе разработки нормативно-правовых актов, в том числе, и при обсуждении изменений или дополнений. В связи с этим, следует ориентировать прокуроров при осуществлении деятельности по противодействию коррупции принимать активное участие в правотворческой деятельности посредством обеспечения участия в заседаниях представительных (законодательных) органов, где им следует оценивать проекты нормативно-правовых актов на предмет наличия в них коррупциогенных факторов.

Также нельзя не затронуть вопрос оптимизации работы прокуратуры в этой области. Об актуальности данного вопроса свидетельствует п. 2.23 Приказа № 581, в соответствии с которым прокурорам предписано при реализации полномочий наладить взаимодействие с иными субъектами антикоррупционной экспертизы, в том числе проводящими независимую экспертизу на коррупциогенность. В настоящее время распределение нагрузки в данном направлении надзорной деятельности органов прокуратуры возможно посредством наращивания уже имеющейся практики сотрудничества органов прокуратуры с представителями гражданского общества в лице общественных организаций, научных и образовательных учреждений, независимых экспертов в области антикоррупционной экспертизы, которые уже в настоящий момент оказывают помощь в выявлении коррупциогенных факторов. Кроме того, нагрузка на органы прокуратуры в определённой части нивелируется применением уже существующего закрытого раздела на сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации, на котором частные эксперты в инициативном порядке могут осуществлять антикоррупционную экспертизу действующих нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, направляя по результатам её проведения в Генеральную прокуратуру Российской Федерации заключения о наличии в них коррупциогенных факторов [21, с. 58-59].

Однако не следует упускать из внимания учебные, особенно ведомственные, и научные заведения. Данное предложение позволит не только увеличить количество «рабочих рук», но и положительно скажется на подготовке профессиональных кадров для органов прокуратуры. Так, озвученная идея может быть реализована посредством организации на базе высших учебных заведений антикоррупционных центров, осуществляющих антикоррупционную экспертизу силами профессорско-преподавательского состава, подготавливающих профессионалов среди обучающихся и привлекающих частных экспертов на коммерческой основе. Данные центры

могли бы выполнять также и просветительскую деятельность, организовав тематические мероприятия различного уровня, что позволило бы частично освободить органы прокуратуры от данной задачи и увеличить охват антикоррупционного просвещения. При этом стоит оговориться, что заключения частных экспертов, представителей гражданского общества не имеют той юридической силы, которое имеет требование прокурора, но они являются подспорьем для прокурора при проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, в значительной степени облегчая его задачу по выявлению коррупциогенных факторов.

В заключение исследования стоит заметить, что действующее правовое регулирование проведения органами прокуратуры антикоррупционной экспертизы не отличается своим единством, поскольку ряд положений обоснованно вызывает дискуссии в юридической среде. Также авторы хотели бы добавить примечание о том, что озвученные вопросы не исчерпывают данную тематику, и проблема антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, осуществляемой органами прокуратуры, требует дальнейшей научной разработки с одновременной реализацией предложенных мер, чтобы уже на данном этапе вырабатывать как положительную, так и отрицательную практику проведения антикоррупционной политики в целом.

Список литературы:

1. Стенограмма расширенного заседания коллегии Генеральной прокуратуры от 17.03.2021 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65165> (дата обращения: 17.04.2023).
2. Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021 - 2024 годы» // СЗ РФ. 2021. № 34. Ст. 6170.
3. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

4. Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативно-правовых актов» // СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3609.

5. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

6. Приказ Генеральной прокуратуры России от 10.10.2022 № 581 «Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428738/ (дата обращения: 19.04.2023).

7. Постановление Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // СЗ РФ. 2010. № 10. Ст. 1084.

8. Алешкова Н.П. Требование прокурора об изменении нормативного правового акта при выявлении в нем коррупциогенных факторов // Законность. 2012. № 12. С. 10-14.

9. Ергашев Е. Р. Принципы института надзора за исполнением законов // Исполнительное право. 2006. №3. С. 40-46.

10. Антикоррупционная экспертиза: теория и практика: научно-практическое пособие / А. В. Кудашкин; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 366 с.

11. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 г. № 2-П // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_137857/ (дата обращения: 19.04.2023).

12. Бердашкевич С.А. Об эффективности мер прокурорского реагирования при проведении органами прокуратуры антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов // Актуальные проблемы прокурорской деятельности: сб. материалов науч.-практ. конф. (Москва, 30 ноября 2018 г.) /

под общ. ред. Е.А. Глебовой; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2019. 140 с.

13. Бородина О.А. Правовые и организационные проблемы органов прокуратуры по проведению антикоррупционной экспертизы // Известия АлтГУ. 2018. №6 (104). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-i-organizatsionnye-problemy-organov-prokuratury-po-provedeniyu-antikorrupsionnoy-ekspertizy> (дата обращения: 19.04.2023).

14. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

15. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 17.02.2023) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

16. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 14.04.2023)// СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

17. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 06.02.2023) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

18. Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 14.04.2023) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 52 (часть I). Ст. 8973.

19. Чечко О.Л. Антикоррупционная экспертиза, осуществляемая органами прокуратуры: вопросы теории и практики: автореф...дис. кан. наук. – М., 2016. 20 с.

20. Приказ Генеральной прокуратуры России от 17.09.2007 г. № 144 «О правотворческой деятельности органов прокуратуры и улучшении взаимодействия с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_118155/ (дата обращения: 20.04.2023).

21. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции: сборник методических рекомендаций / под общ. ред. начальника управления по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции Генеральной прокуратуры Российской Федерации, государственного советника юстиции 3 класса А.Е. Русецкого. – М., 2017. 237 с.

22. Статистика за первое полугодие 2021 года по проведению органами прокуратуры антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов [Электронный ресурс] // URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/combating-corruption/expertise/result?item=64206018> (дата обращения: 20.04.2023).

Приложения

Таблица 1. Практика проведения органами прокуратуры антикоррупционной экспертизы за первое полугодие 2021 года (по данным статистики за первое полугодие 2021 года по проведению органами прокуратуры антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов) [22].

Всего НПА проверено	свыше 500 000
Выявлено коррупциогенных факторов	36 000
Внесено требований об изменении НПА	2500
Принесено протестов	33 000
Направлено исков	37
Внесено представлений	600
Направлено информационных писем	52
Исключено коррупциогенных факторов	свыше 32 000